

Надписи на предметах и зданиях — лингвистический источник

(по материалам XI—XIV веков)

Интересный и ценный материал для исследователя как филолога, так и историка представляют собой русские надписи на предметах и зданиях — свидетелях и представителях древней русской культуры. Надписи могли быть сделаны и делались почти на любых предметах и на самых разнообразных частях и деталях зданий, начиная от листов кровельного железа и голосников, вделанных в стену собора, кончая фресками и мозаикой. По всей вероятности, все открытые надписи бывают рано или поздно опубликованы. Но многообразие предметов, случайность и одновременность многих находок привели к тому, что публикации этого материала рассеялись по многочисленным и разнохарактерным изданиям, сделав его труднодоступным.

Большая часть таких публикаций была разбросана по дореволюционным журналам и сборникам, часто изданным в провинциальных городах. Авторы статей и заметок чаще заботились о подробностях описания «открытия» предмета или связанных с ним легендах, чем о точном воспроизведении в издании самого предмета и тем более о точном воспроизведении надписи на нем. Несовременная техника репродукции или же недостаточное внимание автора работы к надписи сильно затрудняют пользование многими изданиями для изучения текстов надписей. Если учесть при этом, что публикация данного предмета часто была единственной, а сам предмет давно утрачен, то современному исследователю в целом ряде случаев остались лишь одни описания качеств предмета и воспроизведение надписи, которому доверять можно

лишь отчасти. А утрачено многое и в результате разрушений военных лет, и в результате отсутствия должного внимания к памятникам русской культуры. Погибли, например, фрески Спаса-Нередицы, но, к счастью, существует издание с фототипическими таблицами, где большинство надписей при фресках можно прочесть¹. О некоторых предметах вообще неизвестно, существуют ли они ныне. Таковы, например, многие придорожные и надгробные кресты, камни, часовни, а также отдельные предметы церковной утвари.

Даже беглый взгляд на библиографию изданий надписей позволяет видеть, как многочисленны и разнообразны эти издания. В большинстве случаев публикации принадлежат археологам, искусствоведам, музейным работникам. Существуют отдельные классификационные издания, например работы И. А. Шляпкина², Ю. А. Олсуфьева³, Н. М. Щекотова⁴, сюда же можно отнести и книгу В. И. Антоновой и Н. Е. Мневой⁵ и нек. др., но эти работы представляют собой подборку и описание предметов, а не надписей. Публикации с палеографическими или лингвистическими комментариями крайне редки.

В советское время, особенно в послевоенные годы, интересующие нас материалы более систематично публиковались в таких изданиях, как журнал «Советская археология», «История СССР», «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии», в сборнике «Нумизматика и эпиграфика»⁶. В книге А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова наряду с берестяными грамотами опубликованы найденные новгород-

---

¹ В. К. Мясоедов. Спас-Нередицы. Фрески Спаса-Нередицы. Изд. Гос. Русского музея. Л., 1925.

² И. А. Шляпкин. Древние русские кресты. СПб., 1906.

³ Ю. А. Олсуфьев. Описание древнего церковного серебра б. Троице-Сергиевской Лавры (до XVIII в.). Сергиев, 1926.

⁴ Н. М. Щекотов. Древнерусское шитье. «София», 1914, № 1.

⁵ В. И. Антонова и Н. Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи, т. I, XI—XVI вв. М., 1963.

⁶ В дальнейшем при примерах сокращения перечисленных названий будут последовательно даны: СА, Ист. СССР, КСИА или КСИИМК (до № 81), НЭ.

ской экспедицией предметы с надписями или клеймами мастеров ⁷.

В 1936 г. вышло первое, а в 1952 г. второе издание «Библиографии русских надписей XI—XV вв.» А. С. Орлова — необходимый и по существу единственный полный справочник при работе в данной области. «Библиография» (учитывая дополнения, сделанные М. П. Сотниковой) дает информацию о надписях в различных изданиях включительно по 1951 г. Библиография позднейших публикаций надписей нигде в литературе сосредоточена не была.

При создании картотеки Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. в Институте русского языка АН СССР была проведена работа по сбору текстов русских надписей X—XIV вв. (включая надписи рубежа XIV—XV вв.) с некоторыми ограничениями, обусловленными профилем словаря, а также работа по сбору библиографии и самих надписей, опубликованных в изданиях с 1952 г. по сегодняшний день (последняя выполнена сотрудником Словаря А. И. Толкачевым), но эта работа была проведена для нужд словаря, а не для специальной публикации.

Такое положение дел в русской эпитафике раннего периода настоятельно требовало создания сводного издания русских надписей, которое и было осуществлено Б. А. Рыбаковым в одной из серий археологического корпуса ⁸. В этом сводном издании в основу положен текст надписей. Их воспроизведение и содержание находится в центре внимания Б. А. Рыбакова. Комментарии к отдельным надписям представляют собой самостоятельные этюды по разнообразным историческим проблемам, вопросам и загадкам.

Палеографические таблицы и фотокопии надписей с прорисьями расположены в книге по характеру мате-

---

⁷ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953.

⁸ Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв. Свод археологических источников (вып. Е-1-44). М., 1964. В дальнейшем ссылки на публикации надписей в этом издании при примерах будут даны (Рыб., № . . .). Если надпись отсутствует в этом издании, при примерах дается ссылка на «Библиографию» А. С. Орлова, причем вначале указывается лучшее для лингвистического анализа издание надписи, по которому она и приводится в настоящей статье.

риала, которому соответствует способ нанесения надписи. Для филолога огромную ценность в «Своде» представляет альбом фотокопий, который дает возможность одновременного изучения и сопоставления многих образцов древнерусских надписей, собранных воедино. Для лексиколога и стилиста очень важны исторические комментарии «Свода». Но все это — только материал. Лингвистическое исследование этого материала в полном его объеме еще не начато, если не считать той лексикографической обработки, которой он подвергается наряду с другими памятниками в создаваемом словаре XI—XIV вв.

Цель настоящего обзора — привлечь внимание филолога к русским надписям XI—XIV вв. как особому источнику.

Как уже было сказано, категории предметов, на которых обнаружены надписи, весьма разнообразны. В одних категориях большинство экземпляров имеет надписи, в других таких экземпляров меньше, а в третьих — предметы с надписями единичны. Степень распространенности надписей в различных категориях предметов обусловлена традициями и потребностями человека, а также функциональным назначением самого предмета.

Считая, что для лингвистического анализа надписей (прежде всего для лексики и стилистики) категории предметов, на которых они обнаружены, не безразличны, мы рассматриваем ниже предметы с надписями, разделяя их на три группы: 1) предметы культовые (надписи на них встречаются чаще всего), 2) предметы бытовые, 3) части и детали зданий. В каждой из этих групп выделяются определенные категории предметов, имеющих надписи. Цель такой группировки — показать существующие связи между текстом надписи и назначением предмета.

1. *Предметы культовые.* Среди них иконы — это та категория предметов, где надписи обязательны почти на каждом экземпляре. Этого требовали иконописные традиции. Наиболее распространены именные надписи при изображении Христа, богородицы, архангелов и святых. Эти надписи часто представляют собой монограммы. Надпись может относиться ко всей иконе в целом или к ее деталям. Если изображение на иконе сюжетное (Рождество Христово, Вознесение господне и т. п.), то поясняющая надпись может быть единственной, но при

этом могут быть именные надписи и к действующим лицам сюжета. Надписи могут быть расположены в центре иконы при изображениях, но могут также находиться на полях, поясняя эпизоды из жития данного святого, например: СТГО гергия мъськають · мъцьмъ, СТГО · гъргия · свѣцми жгуть. (Kondakov. Орл., № 148). Иногда по краю иконы идет молитвенная надпись, обращенная к лицу, изображенному в центре иконы, например: о всѣматва кси црцнеца (с)пси помилуи блговѣ(р)наго (к)наза нашего мрки⁹ и ар(х)ипп нашего мрки⁹...; избави ны ѿ оусобныхъ рати ѿ миръскихъ печали ѿ наше-
стана поганыхъ... (Соболевский. Орл., № 147). Надписи-цитаты из библии расположены бывають на свитках или раскрытых книгах в руках святых, пророков или Христа. Но на свитке может быть и молитвенная надпись. Сравнительно редки надписи на металлических ризах, закрывающих лицевую сторону иконы. В отдельных случаях известны надписи на оборотной стороне иконы. Иконы часто переписывались или поновлялись, иногда поновлялись лишь надписи, поэтому как на иконах, так и при фресках дата надписи может быть позднее даты иконы или фрески. Почти все сказанное об иконах относится и к фресковой церковной живописи с тем лишь различием, что фрески могли не иметь надписей и сюжеты их могли отличаться от сюжетов икон.

В качестве образцов сюжетных надписей при фресках можно привести следующие: ангелъ завиваетъ небо; оус-
нение; ста вѣд в(л)гословаетъ кюрिला и деанаста; кюрилъ
пишетъ заповѣдь вжню (Прахов. Орл., № 72); мерѣтвел;
ли(к) му(ч)никъ; тъма кромѣшнеа; скръжатү зубомъ;
... шмочть пърстъ свои въ вод... и сѣдѣти ми азыкъ
измагають в пламени сель; даеть главѣ иванову иродоу
цесвъ (Срезневский. Древ. пам., 1863. Орл., № 79)
и т. п.

Другая категория предметов в этой группе, имеющая многочисленные экземпляры с надписями, — это кресты. Кресты имели разнообразное назначение, и в зависимости от него одни почти всегда имели надписи, другие — в виде исключения. Назначением крестов обуславлива-

⁹ Это интересное сокращение слов *имя рек*, *имя рец(к)и*, сделанное, очевидно, механически при списывании.

6817 е. нашитъ бы(с) снъ вѣдѹль повелѣнье(м) великия
княгини лрѣи селеновѣа (Орл., № 133).

Могут быть объединены в особую категорию камни — большие валуны или плиты различного назначения. Среди них Тмутараканский камень с общеизвестной надписью (Рыб., № 5). Известны три «Двинских», или «Борисовых», камня с высеченными на них крестами и одинаковыми надписями: *гѣ помози рабю своѣмъ борисъ* (Рыб., № 20, 21, 22). Два камня хранят другие имена: на одном имя *стѣпанъ* (Михайлов. Орл., № 24) и на другом — при кресте, высеченном на нем, надпись: *сѹлиборъ хръстъ* (Сапунов. Орл., № 109); Рогволодов камень содержит также расположенную при кресте молитвенную надпись: *вѣ лѣ сѹ.о.ѳ. мѣа мана вѣ.з.днѣ доспенъ крѣ снѣ гѣ помози [р]абѹ своѣмѹ василію в крѣщеніи имене мѣ рогволодѹ снѹ борисовѹ* (Рыб., № 29). Возникновение этих камней связано, по мнению Б. А. Рыбакова, с голодными годами, когда у этих камней совершались моления о хлебе. Один из них в народе носил название «Борис-хлебник» (Рыб., № 20).

Значительное количество экземпляров с надписями содержится среди так называемых «змеевиков», служивших, видимо, амулетами. Они могли быть по материалу — бронзовыми, медными, серебряными, каменными; по форме — грушевидными, в виде круглых медалей, арковидных пластин и т. п.; по размеру — диаметром не больше 9—10 см. На них изображались как правило кресты, некоторые святые, часто архангел Михаил, семь спящих отроков Ефесских с именными надписями, голова Горгоны и др. На некоторых из них встречаются молитвенные прошения о помощи владельцу «змеевика», например: *гѣ помози рабѹ своѣмѹ василію амин* (Рыб., № 9).

Все рассмотренные выше категории предметов имеют культовое назначение (исключение составил лишь Тмутараканский камень). Назначение предмета определяло характер надписей, делая их в известной степени типовыми, стандартными.

2. *Предметы бытового назначения.* Эта группа представлена значительно разнообразнее, чем группа культовых предметов, но предметов с надписями на них гораздо меньше. Исключение представляют печати и монеты, на

которых надписи обязательны (они образуют особую категорию вещей и в настоящей статье не рассматриваются).

Предметы бытового назначения раннего периода с надписями единичны в каждой категории вещей, а сами надписи проще, ярче, индивидуальнее. Условно мы объединяем эти предметы в единую категорию бытовых, куда по существу входят самые разнообразные вещи. Среди них прежде всего сосуды различного назначения: корчаги, чары, кубки, братины, чаши, бочки. Сюда относится, например, корчага X в. из погребения в Гнездове близ Смоленска с известной надписью *горуу хца* (Рыб., стр. 7); корчага из Белоозера XII—XIII вв. с надписью *масло* (СА, 1960, № 3, стр. 322); корчага из Старой Рязани XII в. с надписью *ноксе ки(и) добрило послаалъ князю богоунка* (Орл., стр. 226, № 6¹⁰); надпись на дне деревянного кубка XII в. *смска* (Арциховский. Орл., стр. 226, № 8); надпись на днище деревянной бочки XII—XIII вв. *юрицина*; надпись на крышке кадушки *лнь* (т. е. налим)¹¹; серебряная чаша XII в. с надписями *кънажа спасова* (Корзухина. Орл., стр. 233). В некоторых случаях на сосудах стоят лишь одна или две буквы — предполагаемые инициалы хозяина вещи или мастера, ее сделавшего. Некоторые из сосудов хранят на себе даже свое название: *а кърчага си...* (Орл., № 21); чара XII в. черниговского князя имеет надпись в 90 букв: *а се чара кня[жа] володимирова давидовча* и т. д. (Рыб., № 24). Интересна надпись о стоимости братины *къ полъ четвърьта десате гривьнь* (Ист. культ., т. I, рис. 180. Орл., № 60).

К бытовым предметам относятся и многочисленные пряслица. Многие из них хранят на себе имена владельцев отдельно или в контекстах, например: *молодило* (Ист. культ., т. I, рис. 70. Орл., стр. 227, № 11), *марьт[ынъ]а* (Рыб. Овруч. прясл. Орл., стр. 227, № 12), *невесточъ* (Ист. культ., т. I, рис. 70. Орл., стр. 228, № 14), *потворинъ прасльнь* (Ист. культ., т. I, рис. 70),

¹⁰ А. Л. Монгайт. Археологические исследования Старой Рязани в 1948 г. «Изв. АН СССР». Серия ист. и филос., 1949, т. VI, № 5, стр. 459, рис. 4.

¹¹ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 46.

важно прасльне (КСИИМК, № 57, стр. 130) — или за-
кливание: **гн. помози рабе своен не дан мѧ. . .** (КСИИМК,
№ 57, стр. 130). Известно также значительное количе-
ство серебряных платежных слитков, игравших роль
денег, однако отличных от употреблявшихся в то время
денежных знаков по форме, а главное для нас — по над-
писям. Надписи на них представляли собой во многих
случаях, очевидно, лишь имена мастеров. Наиболее
интересны среди них: **неронова мать; высота; ласты; про-
скуръни; борисов изрон; токарь изрон** и др.¹²

Пока остаются единичными (для рассматриваемого
периода) следующие предметы, имеющие надписи: гирька
медная — пробный вес для монет, с надписью **гѧѣѧъ** и
буквенным обозначением цифры 7 — **з**; шлем великого
князя Ярослава Всеволодовича (в крещении Федора)
XIII в. (до 1216 г.): **вѧликии архистратиге гн михаиле
помози рабѧ своему ѡвдорѧ** (Рыб., № 33); прямолиней-
ная деревянная планка XII в., служившая, может быть,
«Еваньским локтем»: **сѧтого кваноск. . .** (Арциховский.
Орл., стр. 226, № 7); кусок моржовой кости XII в.:
домо (возможно, часть имени Доможир; Арциховский.
Орл., стр. 234); золотая диадема XII в. с эмалированными
именными надписями при изображении Христа, богородицы
и апостолов; рукоятка ножа XII в.: **ежковъ ножъ а
иже и оукрадетъ проклатъ в[—]м**¹³; деталь лампы —
литая медная арка XII—XIII вв. — имеет на обороте
следующую надпись: **гн помози ра[воу] с[вое]м[оу]
кост[антин]у** (Ист. культ., т. I, рис. 76. Орл., № 61);
кабаний клык, найденный в древнем Вщиже, имеет та-
кую надпись XII—XIII вв.: **гн помози равоу своему
фомѧ**¹⁴; деревянная колодка женской туфли XIII—XIV вв.
надписана: **мнези** (Арциховский. Орл., стр. 232, № 27);
на щитке перстня XI—XII вв. изображены два архан-
гела с именными надписями при них (Щепкин. Орл.,
№ 8).

---

¹² М. П. С о т н и к о в а. Эпиграфика серебряных платежных
слитков Великого Новгорода XII—XV вв. «Труды Гос. Эрмитажа»,
т. IV, вып. 2. Нумизматика. Л., 1961.

¹³ «Проблемы источниковедения», V. М., 1956, стр. 329.

¹⁴ «По следам древних культур. Древняя Русь». М., 1953,
стр. 118.

3. *Части и детали зданий.* Они составляют особую группу. Можно указать детали здания, для которых надписи типичны или, напротив, случайны. Но прежде всего следует сказать о характере самих зданий. Здания, сохранившиеся от раннего периода русской культуры, — это в основном церкви, реже — часовни или монастырские постройки. Для такого рода зданий надписи типичны. Условно к этой группе мы относим пещеры, служившие жильем для монахов-отшельников, также хранящие на своих стенах древние надписи. Случайной находкой может считаться надпись XIV—XV вв. на одном из бревен сруба жилой или хозяйственной постройки в Новгороде. Эту надпись составляет одна лишь буква а, которая может считаться или клеймом мастера, ставившего постройку, или даже клеймом человека, заготовлявшего лес для постройки (как это и до сих пор принято на севере), хотя А. В. Арциховский считает ее буквенным обозначением цифры 1¹⁵.

Надписи на церковных постройках располагались как правило на стенах, потолке, полу, дверях, столбах — это те части здания, на которых встречается большинство надписей. Наиболее распространены настенные надписи при фресках, о характере которых мы говорили в связи с надписями на иконах. Монументальная фресковая живопись (фрески и соответственно надписи могли располагаться на потолке в купольной части церкви и в других частях) требовала как правило соответственно и более крупных размеров надписей-подписей, наведенных, как и сами фрески, краской по штукатурке. Однако известны при фресках также мозаичные надписи и надписи-граффити.

Многочисленную и очень интересную категорию настенных надписей составляют надписи-граффити, процарапанные обычно в нижней части стен притворов церкви, на столбах, на лестничных переходах. Вот некоторые образцы: вѣ вѣ великыи четверг [р]ака положена высть... т... андреа роусьскыи князьь благыи а дьмитръ ѡль отрочька его м(с)ца април[а] вѣ да бе се... врѣп. (СА, 1963, № 4, стр. 228); ольтарь пламаны

¹⁵ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 46.

а цркы ледана и олѣтарь погаснетъ и цркы стаѣтъ (Рыб., табл. XXII, рис. 2—3); іс хс повѣди; .з. а мѣѣ. Феврарѣ; кѣзьма ѡалѣ; оуса кѣр са о аз грѣш[к]и сапоз ѡ кѣзм рынѣ в[же] мон пом[ъ]зи нѣ гев(р)гне оухъ тѣркно [м]ца [м]ар[к][т]а Феодор стефанъ псал пантелеимонъ (Щепкин. Орл., № 12); М(с)ца авѣгоуста въ кѣ престависа рабъ бжии лѣка ѡп(с)пъ блаженни бѣлогородъскыи (НЭ, т. III, стр. 152) и т. п.

Надписи-граффити на стенахъ церквей делались не мастерами, а случайными людьми по самымъ различнымъ поводамъ. В силу этого они не такъ шаблонны и содержатъ много элементовъ бытовой лексики, а также и значительное количество ошибокъ, обрывковъ словъ и фразъ. Основные изъ известныхъ надписей-граффити XI—XIV вв. открыты в Киевскомъ Софійскомъ соборѣ, а также в Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ; небольшое число ихъ известно изъ церкви Спаса-Нередицы, из Борисо-Глебскаго собора в Старой Рязани, где они были сделаны при фрескахъ, из Выдубицкаго собора, из церкви Спаса Всемилостиваго на берегу р. Ладожки, из церкви с. Старая Ладога и нек. др.

Надписи, сделанные монахами в пещерахъ, отражаютъ жизнь отшельниковъ под землей: ивановъ гробъ печеника; ивано грѣшныи седе жилъ кстѣ; въ мѣ[кач] в пѣсѣка претерпѣхъ во ма свѣтъцъ кѣзъ... ба дѣла (Срезневский, Пещера. Орл., № 76).

Известны надписи и на наружныхъ деталяхъ храмовъ, например на каменныхъ барельефахъ: сты дѣд (Труды. Орл., № 54) [а]гос [г]еорги; на входныхъ дверяхъ, украшавшихся различными изображениями, имевшими при себѣ надписи-подписи: моление анино в саду; гасварь; волтасарь; оустретеніе гѣ наше[го] іс хс; осифъ снимаетъ гѣд; крѣпие гѣ нашего; сладость сегъ мира; бѣлаа мышъ чернаа мышъ (СА, XVIII. Орл., № 120). На дверяхъ встречаются также длинные тексты молитвъ, записи с датами: в лѣ(т) ѡ sw мѣ индикт лѣт д исписаны двери сиа повелѣ[ніе]мъ бглюбиваго архиеп(с)п Но[вгородскаго] васильа. при князи благовѣр(м) Иванѣ Данилович при посадничествѣ Ѳед[оро]вѣ Данилович при тысяцкомъ ѡврамѣ. (СА, XVIII. Орл., № 120).

Надпись могла быть расположена внутри церкви над входными дверями и сообщать данные о ея строитель-

стве (пример см. ниже). Царские врата, отделяющие алтарь от остальной церкви, также могут быть отнесены к внутренним деталям здания, хотя назначение их исключительно культовое. Известно несколько экземпляров царских врат с надписями на них, представляющими как правило именные подписи к изображениям, а также евангельское изречение, написанное на свитке в руках изображенного лица: *рече гь просацимоу оу тебе дан и хотишаго отъ ве [тебе] заати не оврати яко речено ксть възлю...* (Соболевский. Орл., № 137). Случайными могут считаться надписи на глиняном голоснике из сводов Новгородского Софийского собора: *Гтефанъ ψλъ* (Михайлов. Орл., № 9), а также на листке кровельной меди: *в лѣ̄ѣ̄ ѕ̄ѡ̄м̄ ӣ м̄ца̄ июла̄ въ̄ г̄ӣ на̄ память̄ стго̄ апла̄ акулы̄ громъ̄ бы̄ ӣ з̄емла̄ потрасе̄са̄* (Рыб., № 48).

Перечень категорий предметов, частей и деталей зданий, содержащих надписи, отнюдь не претендует на исчерпывающую полноту и детальность классификации. Его назначение — дать информацию об основных предметах анализа русской эпитафии раннего периода и показать типовые связи между назначением предмета и надписью на нем.

Иллюстрирующие тексты, которые даны по ходу изложения, подбирались нами так, чтобы показать типичное и нетипичное, разнообразие смысловое и жанровое, полноту и фрагментарность, а также отражение определенных языковых черт, с тем чтобы привлечь внимание филолога к своеобразному и малоизученному материалу. Даже в тех случаях, когда надписи открыты давно, очень немногие из них подверглись филологическому анализу. Как правило филологами привлекаются лишь наиболее известные надписи в качестве хрестоматийных иллюстраций или, наряду с другим материалом, при анализе того или иного языкового явления. Тем более это можно сказать о тех надписях, которые открываются почти каждый год в наших многочисленных археологических экспедициях и публикуются археологами. Некоторые качества эпитафического материала выделяют его среди других источников и позволяют говорить о том, что он может быть предметом специального филологического исследования. С одной стороны, этот вид источ

ников весьма своеобразен, а с другой — он имеет некоторые любопытные связи с другими видами источников.

Прежде всего среди надписей находятся самые ранние по времени (X—XI вв.) русские памятники письменности. Если учесть, что от раннего периода до нас дошли в основном памятники богослужебной литературы, переводные с чертами старославянскими, то ценность эпиграфического материала в этом плане становится очевидной. Кроме того, наряду с надписями торжественного стиля, встречается значительное число надписей бытового характера. «Эпиграфическая запись — это живой голос древнерусского горожанина — гончара, ювелира, воина, князя, церковного певчего, паломника, девушки-пряжи, епископа, княжеского казначея или ловчего»¹⁶. Язык этих надписей прост и содержит различные элементы народной речи, что также весьма привлекательно, особенно если учесть ранний период возникновения надписей. Поскольку надписи представляют собой образцы различных стилей письменности (от пространных молитв, записей летописного характера, подписей под различными сюжетными изображениями — до шуток, подписей мастеров или владельцев предмета, лаконичных сообщений о содержимом данного сосуда), то с точки зрения языка в них содержатся все его элементы. Но имея в виду специфику эпиграфического материала, следует признать, что хотя он содержит многие ценные языковые и литературные данные, далеко не все его языковые элементы равноценны для филологического исследования. Постараемся показать это на некоторых, с нашей точки зрения наиболее ярких, примерах.

Многие написания передают различные фонетические и морфологические явления: индивидуальные особенности писца (в данном случае человека, сделавшего тем или иным способом надпись), диалектные черты и некоторые общие явления, характерные для того или иного периода истории русского языка. Не ставя своей целью анализ явлений, представленных в надписях, мы приведем некоторые примеры, расположив их в хронологическом порядке:

XII в.: *наволоць* (Михайлов. Орл., № 15); XII—XIII вв.: *ѡстѡдѣтъ* — 3 л. ед. ч. (Срезневский. Древ.

---

¹⁶ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 1.

пам., 1863. Орл., № 79), **мерѣтвел** — ‘мертвые’ (Срезневский. Древ. пам., 1863. Орл., № 79), **рапо** — дат. п. (Сапунов. Орл., № 68); XIII в.: **чъркъча** — вин. п. (Срезневский. Прилож. Орл., № 84), **нисцковъць** — (Бранденбург. Орл., № 95), **вратъа** — им. п. мн. ч. (Шляпкин. Орл., № 102); XIV в.: **хростъ** (СА, 1962, № 3, стр. 312), **пъласцианицю** (Михайлов. Орл., № 132), **жи(з)нь вѣцнута** — вин. п. (Шляпкин. Орл., № 139), **устретение** (СА, XVIII. Орл., № 120), **встрѣтенье** (Каманин. Орл., № 162), **улитъ колоколъ** — инф. (Батюшков. Орл., № 130), **подшаньелъ [потъцианик]** (Михайлов. Орл., № 132).

Лексика надписей также интересна. Учитывая, что в общей массе надписей безусловно преобладают надписи-подписи, а среди них именные надписи, дающие основной материал по антропонимике (вообще же ономастический материал встречается в разных надписях), мы предлагаем вниманию читателя сначала именно этот материал. Сохранилось множество христианских, так называемых календарных имен: **Лука, Ѳфросин...**, **Ѳфросинъа, Ѳфила, Пантелеимон, Дмитриа** (род. п.), **Ѳвфан, Иоанъ, Иванъ, Еванъ, Кюрилъ, Хри(с)тина, Евагини, Ивна, Катърина, Нестерь, Николас, Никола и Микол...**, **Ѳлиана** и т. д. Они представлены в различных вариантах написания. Интересны греческие и русифицированные формы, различные суффиксальные образования имен, например **Иванко**; образования в форме отчеств, например **Павловыць, Ивановичъ, Давыдовича** (род. п.). Нередки имена славянские, например **Роголоду** (дат. п.), **Всеволодъ, всеволожаа** (т. е. жена Всеволода), мн **Мирослава, (а)рополче вино, Стославъль, мжтижиръ**. Сохранились различные прозвища, относящиеся к святым: **ѳво(и)нъ; ѳвзла(т)ѳстъ, ѳвбогусловъ**; к правителям: **сноу мономаховоу**; к простым людям: **Дидита, Доброло, Невесточ, Федоръ Калѣка**. Встречаются также наименования людей по месту жительства (антропо-топонимический материал): **славоне** (по концу города), **людгоцичам** (по улице), **осифъ селоуниски** (по городу Солунь), **игоумень звѣриньскици** (по району Зверинец), **ѳв александрьскии** (по городу Александрия), **епискъпа новгородьскаго, епискъпа ростовьскаго**. Сравнительно немного примеров собственно топонимических,

например: **ИЗО ЦРАГРАДА; В СЪЗДАЛЪ; В НОВЪГОРОД;**
W(T)ГЪМЪТОРОКАНА ДО КЪРЧЕВА; ОРКАЖА МАНАСТЫРА (род. п.).

Обращает на себя внимание наличие в надписях редко употребляемых слов. Среди них есть слова, не зафиксированные И. И. Срезневским¹⁷, например **мъськати: стго гергия · мъськають. мъцькъ** (Kondakov. Орл., № 148); **дубьць: стго гергия. бють сухыми дубьци** (Kondakov. Орл., № 148); **отрочька: Ѡлъ отрочька его** (СА, 1963, № 4, стр. 228); **драница: драниць семьскътъ** (Ист. СССР, 1964, № 3, стр. 112—113); **въоблачити: лжаа порфира юже облакоша христа иже не вооблачить облаки** (Михайлов. Орл., № 132) и нек. др. Интересно представлена бытовая и терминологическая лексика, ср. такие слова, как **вино, масло, масл мюр, гороухца, мнь, в котль, кърчага, чара, прасльне, изрон, гривьнь** — вин. п. мн. ч., **срачица, свѣтъцъ, удицями** — твор. п. мн. ч., **кюзнецю** — дат. п., **писцю** — дат. п., **врача** — им. п. дв. ч.

Интересны также некоторые словосочетания со своеобразным падежным управлением, например: **англь трѣвнть в землю, англь трѣвнть в море** (Дмит. собор. Орл., № 30), т. е. держа трубу по направлению к земле, к морю; **кращюета болацаго Ѡ глакз** (Толст. и Конд. Орл., № 200).

Выше уже отмечалась стандартность многих надписей на определенных категориях предметов, которая заключается не только в содержании, но и в форме, что позволяет говорить об определенной формульности многих надписей. Мы имеем здесь в виду не только тексты молитв или цитаты из библии. Формульность присуща и многим другим видам надписей.

Так, выделяются многочисленные надписи, начинающиеся словами: **ги помози рабоу свокмоу... , ги помилон помози... , гди спси и помилни раба свокго...** и другие варианты того же. Группа надписей, сообщающих о каких-либо событиях, имеет в начале или в конце текста дату. Запись мастера, сделавшего предмет или надпись, часто выражалась формулой: «такой-то сделал то-то» (с возможной перестановкой этих трех составляющих частей), например: **иванкъ създадъ тее**

---

¹⁷ И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I—III. СПб., 1893—1912.

(КСИИМК, 79, 1960, стр. 33—34); то псалъ сьинъ (Рыб., № 3); съ съсздаъ . . . братило дѣлааъ (Рыб., № 16); иванко пакловѣць крстъ съ постав[і]хъ (Рыб., № 23).

Связи эпиграфического материала с некоторыми другими видами источников представляют специальный интерес для историков литературы. Эти связи в одних случаях дают полную аналогию, в других при сходстве формы смысловую вариантность. Связь с литературой богослужебной выражена в цитатах из библии, тропарях, молитвах канонических и молитвах, созданных по образцу к определенному случаю, в заздравных и заупокойных формулах (например, на крестах).

Тесные связи можно наблюдать между надписями на предметах и зданиях и записями и приписками писцов, сделанными в различных рукописях. Причины этих связей достаточно ясны. Близки по характеру дарственные надписи и записи, надписи о завершении работы над данной вещью с именем мастера и записи об окончании работы над рукописью, также с именем писца. Ср. например, запись: въ лѣтѣ $\neq$ s. w. o k индикѣ (т) а изволеніемъ вниемъ а поспѣшеніемъ сто (г) дх а написано вы (с) еу а (г) лие се въ велико (м) новѣгоро (д) повелѣніемъ во (г) любиваго архіеп (с) па новгородско (г) олексеѣ. въ велико кнѣженіе дмитриа константиновица а писалъ иго грѣшныи худыи неразумныи вл (д) чинъ паробокъ микѣла и т. п. (Евангелие 1362)¹⁸ и надпись внутри церкви: въ лѣто $\neq$ s. w. п. и. потъписанъ вы (с) хралъ господѣ ба сиса нашего іса хрта. а при кнѣзи великомъ дмитри ивановичѣ и при прескѣщеномъ архіепископѣ новгородскому олексеѣ. а повелѣнъ емъ раба божья офанасья степановича и подрѣжи его маркн. а сѣврѣшиса лица агдста (Срезневский, Древн. пам., 1863. Орл., № 131).

События больших и малых масштабов находили отражение как в надписях на зданиях, например: лица дѣкембра въ дѣ сѣтвориша миръ на желани свѣтопѣлкъ володимиръ и ольгъ (Рыб., № 12), так и в приписках писцов: въ лѣтѣ $\neq$ s. w. п. и. д. приде архіеп (с) пѣ клименъ тѣ. въ новѣгородѣ. м (с) ц (а) аягоу (с) въ на сто (г) пѣрвом (ч) ка

¹⁸ Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953, стр. 33.

стефана. и съгладда съсоудохранильнику. и прѣда назари. авгоу(с) вѣ. к̄. (Григорий Богослов, Тринадцать слов, XI в.)¹⁹.

Такого рода тексты, с одной стороны, близки по характеру в надписях и приписках, с другой стороны, теснейшим образом связаны с изложением событий в русских летописях. По летописным же образцам иногда делались надписи на предметах и приписки в книгах о делах сугубо местного значения. Ср., например, надпись-граффито: вѣ (л) [ѣго] зѣфз мар(т)[а] вѣ г̄ розъ-гра(д)[и?]ша (Рыб., № 1) и приписку еще более низкого стиля: порошата родиша свиини на памѣт варвары [Шестоднев XIV в. ЦГАДА. Тип., 175 (нов.: ф. 381, № 67), л. 83].

Множество записей и приписок сделаны, как и надписи, в виде заклинаний с формулой ги помози раву...; ги спси полмудн... и с вариантом, характерным для приписок: ги простите ма грѣшного. Среди надписей, как и среди приписок, встречаются шутки, например надпись-граффито: жкиме стоа оусъне а ркта и о камень не ростене (Щепкин, табл. 10. Орл., № 12), ср. текст приписки: чьгъле криваа главо пиши право¹⁹ или надписи «воздыхания», содержащие в себе междометия, ср., например: охъ тыцъно дш̄ грѣшнѣ(и) асигъ пѣлъ, или: вхъ тыцъно ти роб. . . (Щепкин, табл. 2—3. Орл., № 12), или: . . .б(жѣ) мон пом(ъ)зи нцъ гев(р)гнѣ охъ тыцъно. . . (Щепкин, табл. 41. Орл., № 12); «восклицания»: хо-хо-хо крѣлошаниннѣ святн богородици; даі козоѡ мою (Рибак-ков. Орл., стр. 225, № 2). Ср. тексты приписок: вхъ лигѣ лихого сего попириа голова ми болить и роука сѣ тепет [Паремейник XIV—XV в. ЦГАДА Тип. № 167 (нов.: ф. 381, № 61), л. 22]; вхо вхо вхо дрѣмлет ми сѣ. . . (Служебник XIII в. ГПБ, Соф. 519, л. 40)²⁰.

Среди надписей интересующего нас периода известна надпись, текстологически очень близкая к купчим грамотам, ср.: м(с)ца юнара вѣ . а. стго нп[оли]та крила землю княгыни болюю всеволожаа передъ стою софиюю

¹⁹ Е. Э. Гранстрем. Указ. соч., стр. 16.

²⁰ Материал записей и приписок писцов выявлен и собран по рукописям сотрудниками Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. Т. А. Сумниковой и А. И. Толкачевым.

[а] передъ попы а тѣ вылъ попинъ шкилъ дѣмло пате-
лен стипко михалко нѣжнович миха данило марко
сьмьюнъ михал[ъ] елсавиичъ иванъ янъчинъ тѣдоръ
тобьновъ ильа копыловичъ тѣдоръ в[ъ]рзатичъ передъ
тими послѣхы кѣпи земаю княгъни боино вѣсю а вѣдала
на нки семьдесятъ гриекнъ соболи а вѣ томъ Драницъ
сьмьсктъ тѣ гриекнъ (Ист. СССР, 1964, № 3, стр. 112—
113).

Таким образом, приведенный материал достаточно выразительно характеризует разнообразие встречающихся в памятниках древнерусской эпиграфики стилей — от торжественных богослужебных формул и строгих юридических и летописных текстов до образцов народного разговорного языка.

Многообразие языковых средств, отраженное в надписях, делает их весьма ценным и многогранным источником для лингвистических исследований.